

О тех, кого не видит зритель

I.

Занавес закрывается. Антракт. Актеры еще раскланиваются с публикой у рампы, а на сцене Свердловского театра оперы и балета имени А. В. Луначарского появляются новые персонажи — заведующий монтажной частью, он же машинист сцены И. Симбирцев и рабочие сцены. Тов. Симбирцев служит в театре с 1923 года.

...Быстро начинается перестановка оформления. Здесь рассчитана каждая секунда, взвешена каждая деталь. Антракт должен быть как можно короче. По указаниям тов. Симбирцева, лес превращается в замок, бальный зал — в бедную хижину.

В своей памяти тов. Симбирцев держит до сорока постановок опер и балетов со всеми характерными деталями.

«Лебединое озеро» и «Каменный цветок» — любимые спектакли тов. Симбирцева, который, по его собственному выражению, «выражен оформлением». Это сложные, интересные по монтажной работе постановки, требующие большой точности и напряжения в труде, особенно — «Каменный цветок», с его сказочным царством Медной горы Хозяйки.

II.

«Наш мячуринец» — так прозвал тов. Симбирцев заведующую цветочным цехом М. Антропову. У нее зимой и летом расцветают любые цветы. Ими увешан и уставлен весь небольшой цех. Тут и кусты темнокрасных роз, и золотые корзиночки с розоватыми нежными цветками из «Пикерской дамы», и яркие украшенные лентами ваши украинки из «Мазепы» и «Черевичек».

Этот год для тов. Антроповой — юбилейный: 25 лет работы в театре. За четверть века она сделала миллионы различных цветов.

III.

В глубине сцены, недалеко от колышавшейся полотняной стены здания есть вход в небольшую комнату с чердачным помещением. Это — реквизиторский цех. Здесь — полное смешение стилей, эпох, непривычное соседство самых разнообразных предметов. Огромный плюшевый жираф из «Айболита» опирается на зеленую-серебристую саблю «Каменного цветка». Стоит большой самовар из «Вражьей силы», а около него — спеленатые «обезьяньи младенцы».

Здесь командует старший реквизитор Я. Бушинская. Это она бьет в набат в «Князе Игоре», устраивает «малиновый звон» в «Борисе Годунове», делает выстрелы на специальном станке, в который закладываются патроны, хранит под инвентарным номером «шум бьющей посуды», командует громом (молния подвластна электроцеху), дактилем чорта во время его полета в «Черевичках», раскрывает пасть крокодила, когда он пожирает злого Бармалея и египетские иероглифы. Впрочем, в нее заглядывают редко — знают на память.

IV.

К. Поросенкова прошла путь, характерный для многих работников театра имени А. В. Луначарского. Она поступила сюда девочкой, ученицей, и стала мастером своего дела. Сейчас она заведует гримерно-художественным цехом.

Работа творческая, увлекательная. Под руководством режиссера и художника, вместе с актером, тов. Поросенкова ищет наиболее типичный, выразительный грим для каждого персонажа.

Когда готовили «Мазепу», долго не удавался грим гетмана. Тов. Поросенкова разыскивала старинные портреты, читала книги по истории Украины.

Сначала Мазепе хотели придать внешний облик вадорожца, с бритой головой, чубом, но затем остановились на польском стиле: седые кудри, усы с подусниками. Немало искали очерк бровей, — иногда маленькая деталь совершенно меняет лицо, придает ему особое своеобразие.

Тов. Поросенкова — своего рода художник-жанрист. Она «пишет» свои портреты, которые живут несколько часов.

V.

А. Киселева приходит перед спектаклем одной из первых. В артистических уборных солитов она заботливо раскладывает перед зеркалами грим, коробки с пудрой, различные сценические принадлежности.

Делает все это А. Киселева с большой любовью, ничего не забудет, ни в чем не ошибется. Она работает в театре с 1912 года, со дня его открытия и стала его живой летописью: помнит все яркие постановки, всех артистов. Рассказывает о первых шагах знаменитых артистов страны, тогда еще молодых, начинающих актеров И. Козловского и С. Лемешева.

— Это наша мать родная, — говорит про А. Киселеву артистка М. Белоусова. — О каждом из нас она печется, прекрасно знает вкусы всех и теплой, материнской заботой создает за кулисами уют, спокойствие, окружает нас вниманием, так необходимым при напряженной творческой работе.

VI.

По узкому железному трапу — эта лестница напоминает о корабле — спускаемся вниз, под сцену.

Здесь электроосветительный цех, «штаб освещения». Как всякий хороший КП, он замаскирован. Глухо звучит оркестр, — оказывается, действие уже началось. Тут имеется «окно» на сцену, но можно разговаривать вслух: публика не услышит. На вы-

сокой скамейке, за регулятором сидит начальник цеха Е. Мосин. Этот светловолосый молодой человек в дни войны служил в летных частях, а сейчас вернулся к мирной профессии.

Это он является театральным «Зевсом-громовержцем». Ему подвластны все стихии, времена года. Он погружает сцену в зеленую лунную полутьму, поворотом штурвала создает зарево, поднимает пургу, заливает все радостным солнечным светом. Аппараты, которые публика видит в ложах по бокам сцены, — только проектора со светофильтрами. Основное управление светом сосредоточено под сценой.

У тов. Мосина и его помощников есть своя «световая партитура». Она состоит из цветных условных значков, которые для непосвященного человека так же понятны, как и египетские иероглифы. Впрочем, в нее заглядывают редко — знают на память.

У тов. Мосина и его помощников есть своя «световая партитура».

Она состоит из цветных условных значков, которые для непосвященного человека так же понятны, как и египетские иероглифы. Впрочем, в нее заглядывают редко — знают на память.

Н. РОЗИНА.

Зритель не знает их, скромных работников закулисного отряда. Но они с энтузиазмом работают на своих постах, внося свой вклад в общее творческое дело — создание спектакля.

НА СНИМКАХ: (сверху вниз)

И. Симбирцев — заведующий монтажной частью и машинист сцены. М. Антропова — зав. цветочным цехом. Я. Бушинская — старший реквизитор.

Снимки: И. Тюфякова.

